

ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ¹⁾.

Широкое социальное движение наших дней, охватывающее самые разнообразныя страны и государства свѣта, направляется по двумъ русламъ: революціонному и реформаціонному. Одно требуетъ коренной перестройки общества на основаніяхъ, чуждыхъ современному строю; другое проповѣдуетъ достаточность только реформированія нѣкоторыхъ его сторонъ, безъ посягательства на основы. Движеніе, иавѣстное подь именемъ „христианско-соціального“, или „христианскаго социализма“ ²⁾ входитъ какъ одна изъ струй въ

¹⁾ Главные источники.

Göhre. Die evangelisch-soziale Bewegung.

Thürndorf. Sociales Christentum.

Nathusius. Die Mitarbeit der Kirche ader Lösung der sociale Frage.

Werner. Vorträge und Aufsätze über die grossen Fragen der Gegenwart.

Лавеле. Современный социализмъ.

Брентано. Христианско-социальное движеніе въ Англіи.

Вейль. Исторія социальнаго движенія во Франціи.

Ностидъ. Рабочій классъ въ Англіи.

Зомбартъ. Социализмъ и социальное движеніе въ 19 в.

Ламеннэ. Слова вѣрующаго.

Науманнъ. Демократъ и верховная власть.

Гуго и Штегманнъ. Справочная книга социалиста 1—2.

Мерингъ. Исторія Германской социаль-демократіи.

Гросманнъ. На западѣ (Образованіе 1904, 5—6).

Водовозовъ. Антисемитизмъ въ Германіи (Р. Богатство. 1898, 2).

²⁾ Социализмъ, какъ доктрина, требующая перестройки общества на началахъ коллективизма, есть ученіе по существу революціонное и терминъ этотъ никакъ не можетъ быть прилагаемъ къ ученіямъ реформистскимъ и въ частности (за ничтожными исключеніями) къ христианскому социальному движенію. Но при отсутствіи другого и болѣе точнаго слова, употребленіе термина „социализмъ“ въ приложеніи къ христиан-

русло второго теченія. Въ словарѣ Брокгауза-Эфрона оно опредѣляется какъ „ученіе, признающее существованіе социальнаго зла въ современномъ общественномъ строѣ и стремящееся исправить его при помощи подъема религіозно-нравственныхъ началъ въ различныхъ слояхъ народа, не выходя изъ рамокъ нынѣшнихъ государственныхъ формъ и сохраняя господство частной собственности“ (74 т. 633). Въ этомъ опредѣленіи, не вполне очерчивающемъ способы борьбы „христіанскихъ социалистовъ“ съ социальнымъ зломъ, отмѣчены двѣ главныя особенности движенія: его стремленіе покоиться на религіозно-моральномъ основаніи и желаніе сохранить основы политико-соціального *status quo*.

Болѣе или менѣе случайно и спорадически социальное движеніе на религіозно-христіанской основѣ возникало на протяженіи всѣхъ вѣковъ нашей исторіи. Въ большинствѣ случаевъ оно носило характеръ сектантскій, всегда тяготѣло, если не на практикѣ, то въ теоріи, къ коммунизму и часто отливалось въ формы уродливыя и болѣзненные. Но въ собственномъ смыслѣ эрой христіанско-соціального движенія надо назвать 19-ый вѣкъ. Теперь социальный интерес пробуждается среди христіанъ всѣхъ странъ и государствъ, завоевывая для себя тамъ и тутъ болѣе или менѣе широкіе круги приверженцевъ и одушевленныхъ работниковъ. Наибольшаго развитія новое движеніе достигло въ странахъ, гдѣ социальная проблема чувствуется особенно глубоко назрѣвшей, каковы государства Европы съ развитымъ капитализмомъ. Но сверхъ того, христіанское социальное движеніе нуждается для своего развитія въ своеобразной моральной атмосферѣ, въ которой оно почти обречено на неизбежную гибель. Такой атмосферой является прежде всего извѣстная степень религіозной свободы и болѣе или менѣе высокій интеллектуальный уровень общественной среды. Поэтому, протестантизмъ является болѣе благоприятной средой для социальной работы въ христіанско-религіозномъ направленіи, чѣмъ, напр., католицизмъ или православіе; и страны съ мягкимъ политическимъ режимомъ, обеспечивающимъ за гражданами больше индивидуальныхъ правъ и свободы, со-

скому движенію вошло глубоко въ обычай и избѣгать его почти не представляется возможнымъ.

здають условія найбільше підходящія для этой цѣли, чѣмъ страны суроваго и деспотическаго режима.

Въ христіанско-соціальному движеніи, въ цѣломъ, приходится различать нѣсколько основныхъ, опредѣленныхъ формъ, потому-что оно не представляетъ изъ себя чего либо однообразнаго. Здѣсь, какъ и въ каждомъ широкомъ общественномъ движеніи, передъ нами цѣлая скала направленій—рядъ ступеней, по которымъ въ порядкѣ строгой постепенности можно придти отъ „праваго“ крыла движенія, найбільше умѣреннаго и консервативнаго, къ „крайней лѣвой“, гдѣ, наконецъ, рѣзкія грани теченія, какъ специфически реформаціоннаго, сглаживаются и оно готово перейти въ революціонное. Исторически, въ развитіи или нащупываніи этихъ формъ также замѣтна нѣкоторая опредѣленная послѣдовательность; здѣсь эволюція (въ общихъ чертахъ) направляется справа налѣво, отъ консерватизма въ началѣ эры къ радикализму въ дальнѣйшемъ развитіи, постепенно раскрывая для христіанско-соціальныхъ дѣятелей арену дѣятельности все болѣе и болѣе широкую ¹⁾. Впрочемъ, все теченіе, пока оно остается въ предѣлахъ реформизма, на всѣхъ ступеняхъ носить неизбѣжно опредѣленный и рѣзкій отпечатокъ общаго духа и въ теоретическихъ взглядахъ и въ практическихъ программахъ.

Въ дальнѣйшемъ мы остановимся на нѣкоторыхъ типичныхъ формахъ христіанско-соціальной дѣятельности, совершенно не пытаясь давать очерки движенія съ исчерпывающей полнотой и во всемъ многообразіи его отгѣнковъ, ограничившись цѣлью только намѣтити общую схему движенія, выдѣливъ основные этапы его внутренняго развитія.

Сферой, въ которой зрѣветъ и изъ которой рождается ре-

¹⁾ Этой схемѣ повидимому противорѣчитъ французское католическое движеніе. Во Франціи въ 40—50-хъ годахъ непосредственно подъ влияніемъ идей сенъ-симонизма начинается своеобразное революціонное движеніе съ открытымъ тяготѣніемъ къ коммунизму въ утопической окраскѣ. Но фактически въ этой стадіи движеніе было совершенно безплодно. Нѣсколько священниковъ и аббатовъ (Констанъ, Шантомъ) развивали въ литературѣ новыя идеи, которыя на католической почвѣ заранѣ обречены были на гибель. Онѣ и погибли, лишь впоследствии возродившись совершенно въ новой формѣ,—формѣ христіанско-соціальной дѣятельности, съ которой фактически и идетъ начало современнаго католическаго движенія во Франціи.

формаціонное движеніе, является по преимуществу чувство,— та боль въ сердцѣ, какую не можетъ не оставлять наблюденіе надъ соціальной дѣятельностью. Евангельское ученіе о любви, какъ долгѣ и обязанности каждаго христіанина, оплодотворяетъ это чувство; оно поддерживаеъ его въ напряженности и въ тоже время диктуеъ ему свои указанія, намѣчая программу дѣятельности. Поэтому, здѣсь всюду и неослабно звучитъ громкій призывъ къ духовному обновленію, къ нравственному усовершенствованію и любовь прежде всего признается той могучей силой, которая одна можетъ и должна исцѣлить всѣ соціальныя уродливости. Въ особенности эта моральная тенденція съ призывомъ къ любви доминируетъ въ правой, консервативной части направленія и преимущественно на начальныхъ ступеняхъ движенія. Можно даже сказать, что здѣсь, въ сознаніи первыхъ дѣятелей движенія, соціальный характеръ большого соціальнаго вопроса совершенно заслоняется своеобразнымъ пониманіемъ его морально-индивидуалистической стороны и на борьбу съ общественнымъ зломъ, подобно древнимъ энтузіастамъ религіозной вѣры, они выходятъ съ лозунгами Евангелія, съ готовыми формулами христіанства. Этимъ опредѣляются главныя особенности христіанско-соціальнаго движенія въ его первой стадіи.

Вотъ, напр., какъ устанавливаетъ мѣсто бѣдности въ ряду явленій человѣческой жизни аббатъ Ламеннэ (ум. 1854), горѣвшій огненною любовью къ угнетенному люду: „не отъ Бога приходитъ бѣдность; она есть наслѣдствіе развращенія и дурныхъ похотей людскихъ, почему бѣдные всегда будутъ существовать. Бѣдность дочь грѣха, сѣмя котораго во всякомъ человѣкѣ, и дочь рабства, сѣмя котораго во всякомъ обществѣ. Всегда будутъ бѣдные, потому что человекъ не сможетъ никогда окончательно уничтожить грѣхъ въ себѣ“ (Слова вѣрующаго). Въ Англии, въ феррейтѣ Кингслея (1815—75), отца англійскаго религіознаго социализма, раздавались такія рѣчи въ періодъ страстной агитаціи среди рабочихъ въ пользу чартіи: „никакое измѣненіе въ избирательномъ правѣ или во внѣшнихъ соціальныхъ организаціяхъ не можетъ сдѣлать людей лучше и счастливѣе; ни перемѣна лицъ правящихъ, ни форма правленія, не есть то, что необходимо;— необходимо полное нравственное перерожденіе“ (Thrändorf).

Съ аналогичнымъ заявленіемъ выступаютъ и представители католическаго движенія—французы Ле-Пле (ум. 82 г.), Перренъ, швейцарець Ла-Ривъ, утверждая одинъ за другимъ, что не отъ законовъ надо ждать помощи, а только отъ возрожденнаго духа, что само социальное законодательство бесполезно, если въ обществѣ не господствуетъ христіанскій принципъ (Nathusius). Наконецъ и отецъ германскаго социальнаго движенія—протестантскаго—Вихернъ (ум. въ 1881 г.) всецѣло основываетъ свою практическую программу на требованіи благотворительности изъ личнаго расположенія.

Утверждая, что не отъ Бога приходитъ бѣдность, консервативные реформисты очень склонны дополнять это положеніе другимъ: бѣдность происходитъ и не отъ естественныхъ законовъ, дѣйствующихъ съ силой необходимости. Бѣдность не есть въ сущности что либо стихійное и стороннее по отношенію къ извѣстному индивидууму, она неразрывно связана съ такимъ, а не инымъ направленіемъ личной духовной жизни. Общій характеръ направленія мысли реформистовъ этого теченія въ ихъ оцѣнкѣ дѣйствующихъ въ обществѣ силъ можно превосходно обрисовать словами Ламенне: „что за жернова вертятся тамъ безпрестанно? Что такое они перемалываютъ?—Сыны Адамы! Жернова это—законы вашихъ правителей и перемалываютъ они васъ“. Социальное зло существуетъ, общественная жизнь строится ненормально. Это признается всѣми. Но напрасны были бы усилія отдѣльныхъ лицъ и группъ произвести радикальное исцѣленіе общества отъ развѣдающихъ его болѣзней. „Лишь отъ Бога сила освобождающая, ибо отъ Бога объединяющая любовь. Что можетъ сдѣлать для васъ человѣкъ, которому лишь свое мнѣніе—правило, лишь своя воля—законъ?“ „Одинъ у васъ Учитель—Христось и Христось васъ освободитъ“ (Слова вѣр.).—Поэтому, въ оцѣнкѣ основъ современнаго социальнаго строя, экономическаго базиса, производственныхъ отношеній—это воззрѣніе стоитъ скорѣе на точкѣ зрѣнія оптимизма, чѣмъ пессимизма: капиталистическій строй самъ по себѣ не можетъ быть оцѣниваемъ низко съ нравственной точки зрѣнія и вся дѣйствительность въ ея основахъ не можетъ возбуждать чувства неудовлетворенности. Нехороша не организація людей, а направленіе ихъ воли. Отсюда логическій выводъ, характерный для всего теченія.

Въ общественномъ организмѣ ничего не надо ломать, ни дѣлать никакихъ операцій. Его заболѣванія мѣстнаго характера и скорѣе кожного, чѣмъ внутренняго. Лечить ихъ надо не ампутаціей, а пластыремъ. Отсюда, практическая дѣятельность реформистовъ направляется главнымъ образомъ къ широкой морально-религіозной реформѣ, къ возрожденію общества путемъ индивидуальныхъ усилій его членовъ. Обыкновенно она укладывается въ двѣ формы: пропаганда идеи возрожденія черезъ проповѣдь и—содѣйствіе рабочему классу въ его работѣ надъ улучшеніемъ своего положенія путемъ реформы его внутренняго быта.

Проповѣдь въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и формахъ, отъ чисто религіозной съ церковной кафедры до свѣтской—прессы, брошюръ, рѣчей на митингахъ—имѣетъ своимъ объектомъ весь слои общества. Порой въ силу необходимости она обращается къ болѣе привилегированнымъ классамъ вообще, чѣмъ рабочимъ потому что въ роли угнетателей являются именно первые и къ нимъ надо прежде всего обращаться съ призывомъ къ обновленію души и возбужденіемъ къ братолюбію. Здѣсь агитація ведется, смотря по отбѣнкамъ направленія, или во имя чисто религіозной истины или во имя долга и авторитета нравственнаго закона. Но существеннымъ содержаніемъ проповѣди остается всегда одно увѣщаніе проникнуться высокой тѣхъ или иныхъ идей и идеаловъ, призывъ оставить духъ эгоизма и мамоны, чтобы дать мѣсто въ душѣ чувству любви къ приниженымъ братьямъ, или воодушевиться свѣтлыми идеалами справедливости, чтобы въ жизни широко осуществлялись принципы гуманности и правды. Обращаясь къ рабочему классу, проповѣдь реформистовъ болѣе всего преслѣдуетъ своей цѣлью поднятіе ихъ моральнаго и умственнаго уровня; поэтому чаще всего она является здѣсь какъ орудіе борьбы со специально рабочими пороками: нечестностью, пьянствомъ, лѣнью и т. п. Реформисты убѣждены, что добрая часть всѣхъ несчастій, выпадающихъ на долю трудящагося люда, постигаетъ его неизбежно, потому что онъ не умѣетъ пользоваться тѣми благами, которыми можетъ владѣть. Съ такимъ характеромъ выступаетъ христіанско-соціальное движеніе въ половинѣ истекшаго вѣка во всѣхъ странахъ—среди католиковъ такъ же, какъ и среди протестантовъ. Въ этой стадіи его можно счи-

татъ движеніемъ чисто сословнымъ,—пастырскимъ. Духовенство, передъ лицомъ удручающей дѣйствительности чувствуетъ себя обязаннымъ заняться социальнымъ вопросомъ, какъ говорилъ лично о себѣ Кеттелеръ, еп. Майнцкій (1811—1877), одинъ изъ энергичнѣйшихъ вожаковъ католическаго движенія въ Германіи. Впрочемъ дѣятельность духовенства пока не выходитъ за грани собственно пастырской работы. Формы, въ которыя она выливается, въ общемъ, не идутъ дальше обычной приходской благотворительности. По прежнему вся дѣятельность покоится на проповѣди любви при полномъ—традиціонномъ—отсутствіи какой либо общей системы и опредѣленной практической программы. Предложеніе услугъ въ общемъ не соизмѣряется съ запросами историческаго момента; оно не даетъ, чего требуетъ жизнь, потому что самое пониманіе природы социальныхъ явленій еще не достаточно углублено и расширено. Въ этомъ начинающемся движеніи на лицо пока только одно новое—самое пробужденіе интереса къ социальной проблемѣ. Въ дальнѣйшемъ—прогрессивный ростъ молодого движенія, тщательное вглядываніе въ дѣйствительность, изученіе жизни должно было привести къ инымъ, самобытнымъ формамъ социальной дѣятельности. И вотъ, уже первые дѣятели движенія, при всемъ стремленіи держаться почвы чистаго Евангелія и естественномъ тяготѣнн къ традиціоннымъ формамъ работы, скоро приходятъ къ убѣжденію въ полномъ безсиліи борьбы съ социальнымъ зломъ путемъ призыва только къ личному усовершенствованію. Уже Ламеннэ мечтаетъ о новыхъ формахъ жизни, которыя, по его мнѣнію, должны возродить все человѣчество, создать новое общество, не имѣющее себѣ примѣровъ въ прошломъ. Эта форма-ассоціація трудящихся. Но Ламеннэ, этотъ мученикъ католицизма, работалъ въ эпоху, когда еще нельзя было выйти за предѣлы мечтаній.

Христіанскій соціалистъ Людловъ по поводу разоблаченій о безпросвѣтно жалкомъ положеніи англійскихъ портныхъ писалъ: „нѣкоторыя размышленія должны показать, что милостыня (а проповѣдь, обращенная къ богатымъ классамъ, и требовала главнымъ образомъ отъ нихъ милостыни), если она часто и въ состоянн уменьшить страданія отдѣльныхъ лицъ, совершенно не въ состоянн улучшить положеніе цѣлаго класса страждущихъ. Въ то время какъ вы подаете ми-

лостыню швейкамъ, вы тѣмъ самымъ доводите ихъ до состоянія довольствоваться голодной платой.... Благотворительность, какъ она практиковалась до сихъ поръ, не есть исцѣляющее средство“ (Thgånd. 15). Еп. Кеттелеръ говорилъ: „первая и самая главная евангельская заповѣдь состоитъ въ любви къ ближнему и въ помощи страждущимъ. Не должны-ли мы жертвовать всѣмъ чтобы исполнить ее?.. Опытъ показалъ, что этого нельзя сдѣлать одной милостыней. Единственное средство можетъ быть состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность рабочему улучшить свое положеніе, употребляя въ дѣло капиталъ, принадлежащій ему“ (Лавеле. 170). Совершенно на такую же точку зрѣнія сталъ нѣмецъ Губеръ, который первый на протестанско-германской почвѣ освободилъ идеи евангельско-соціального служенія отъ исключительной тенденціи работать путемъ милостыни, обратившись къ идеѣ „соціальной“ реформы (Göhre 10). Отсюда переходъ къ соціальной дѣятельности, которая, однако, вся протекаетъ подъ осѣненіемъ той-же основной идеи: спасеніе не въ теоріяхъ и системахъ, а въ обновленіи настроенія.

При перемѣнѣ основной точки зрѣнія на средства борьбы съ соціальнымъ зломъ наблюдается и нѣкоторое перемѣщеніе центра въ объектъ вниманія. Въ глазахъ соціально-настроенныхъ христіанъ общество какъ-бы дифференцируется на классы дѣйствительно нуждающіеся въ помощи и требующіе къ себѣ вниманія, и классы, пользующіеся достаточной степенью соціального благополучія. Вниманіе поэтому отвлекается по преимуществу къ низшимъ, подавленнымъ классамъ и сама дѣятельность пріобрѣтаетъ болѣе практическій характеръ.

Рабочій классъ разьединенъ. Несмотря на общность всѣхъ своихъ интересовъ, фактической связи между отдѣльными членами рабочаго класса извѣстной отрасли труда или извѣстной мѣстности совершенно не существуетъ. Реформисты и поставляютъ своей главной задачей объединеніе рабочихъ. Однако, это объединеніе проповѣдуется не въ цѣляхъ усиленія классоваго могущества рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ капиталистами. Если такіе результаты и вытекаютъ изъ ихъ дѣятельности, то лишь какъ случайное слѣдствіе, а не прямой и желательный результатъ. Прямая цѣль реформистовъ—поднять самосознаніе рабочихъ, развить въ нихъ личность и

возвысить ихъ экономическое положеніе путемъ использованія наличныхъ условій. Отсюда самая широкая дѣятельность реформистовъ по организаціи рабочихъ въ разнаго рода союзы—самообразованія, самовоспитанія и еще болѣе многочисленные—потребительные, взаимопомощи, наконецъ, устройство производительныхъ ассоціацій. При этомъ, иногда реформисты, вращаясь въ области идей и традицій христіанства, обращаются прямо къ опыту прошлаго, пытаются возстановить забытые или изгнившіе институты древности. Какъ плодъ такого возврата къ прошлому, возникли чисто религіозные институты съ социальными задачами, напр., діаконы и діакониссы у протестантовъ съ спеціальной цѣлью „служенія трапезамъ“.

Но въ особенности великія надежды реформисты разныхъ странъ всегда возлагали на производительныя ассоціаціи. Путемъ ихъ организаціи они надѣются вырвать рабочихъ изъ власти эгоистическихъ стремленій отдѣльныхъ предпринимателей, поставить ихъ на прочную почву самостоятельности и создать изъ десятковъ и сотенъ рабочихъ какого-либо предпріятія братскій союзъ, одушевленный возвышенными чувствами любви и идеаломъ взаимопомощи. Въ Англіи, гдѣ идея ассоціацій, можно сказать, напла для себя родину, смѣлость одушевленной мысли ставила передъ христіанскими социалистами чисто революціонныя задачи. Какъ отдаленная радужная мечта предъ ними вдали свѣтится идеаль полнаго устраненія противорѣчія между трудомъ и капиталомъ, превращеніе всѣхъ трудовыхъ разрозненныхъ силъ въ сплоченную единствомъ цѣлей и интересовъ сътъ ассоціацій, съ центральнымъ комитетомъ ассоціацій во главѣ, въ рукахъ которыхъ монополія всякаго производства „монополія порядка и справедливости, устраняющая беспорядокъ и несправедливость“. (Людловъ) (Брентано 71).

Собственно говоря, самое названіе „христіанскій социализмъ“ родилось отъ этой пропаганды идеи ассоціацій и именно здѣсь, на англійской почвѣ. Противопоставляя принципу конкуренціи начало ассоціацій, христіанскіе социалисты Англіи объявляли, что христіанство, оправдывающее принципъ ассоціаціи, въ силу этаго „соціалистично“, и „разъ мы христіане, мы уже социалисты“. (Бр. 31). ¹⁾

¹⁾ Едва ли можно слишкомъ серьезно оцѣнивать социалистическія увле-

Въ средѣ организаціи общественной благотворительности и взаимопомощи рабочихъ реформистамъ удавалась сдѣлать очень многое.

Въ Германіи, благодаря энергичной дѣятельности первыхъ христіанскихъ социалистовъ—Вихерна, Губера, вся страна быстро покрылась цѣлою сѣтью всевозможныхъ благотворительно-просвѣтительныхъ учреждений самаго разнообразнаго типа—отъ домовъ для эпилептиковъ, больницъ, до дѣтскихъ садовъ, съ громаднымъ восьмидесятысячнымъ штатомъ діаконовъ, союзовъ христіанскихъ молодыхъ людей, союзовъ христіанскихъ дѣвушекъ и. т. д. Здѣсь движеніе отлилось въ своеобразную форму „Внутренней миссіи“, возникновеніе которой связано съ именемъ Вихерна и самое названіе которой показываетъ, что первоначально оно преслѣдовало преимущественно религіозно-моральныя цѣли—борьбу съ невѣріемъ и упадкомъ нравственности, и скорѣе лишь косвенно связывалось съ социальными задачами времени. Въ 80—90-хъ годахъ столь же разнообразна и значительна была филантропическая дѣятельность многочисленныхъ рабочихъ фереиновъ строившихся „на евангелическомъ основаніи“ и возникавшихъ повсюду въ Германіи главнымъ образомъ въ цѣляхъ взаимопомощи трудящихся опредѣленныхъ территориальныхъ единицъ или видовъ труда. Сначала представляя собой главнымъ образомъ чисто религіозныя союзы, узкоконфессіональныя, направленные въ противовѣсъ католической пропагандѣ, они скоро приняли характеръ „внутренней миссіи“, занялись задачами просвѣтительными но затѣмъ сдѣлали еще шагъ впередъ, отклонившись въ сторону интересовъ социально-экономическихъ, при чемъ иногда отказываясь отъ конфессіональныхъ тенденцій, и даже нерѣдко сливаясь съ однородными католическими организаціями. Развитие фереиновъ было настолько успѣшно, что спустя 15 лѣтъ послѣ своего перваго зарожденія они насчитывали болѣе полусотни тысячъ членовъ. Наконецъ, сравнительно

ченія англ. социалистовъ на основаніи всего того, что ими говорилось и дѣлалось. Можетъ быть правильнѣе будетъ согласиться съ Ностицемъ у котораго дается такая оцѣнка англійскаго социализма: „хотя они и проявляютъ временами социалистическое настроеніе, но они вообще совсѣмъ не социалисты въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а просто ихъ настроеніе социальное“. (Рабочій классъ въ Англии, 35).

въ позднѣйшее время вновь возникшіе ряды христіанскихъ профессиональныхъ союзовъ объединили на почвѣ хозяйственныхъ интересовъ значительныя массы рабочихъ. (Къ 1901 г. эти союзы насчитывали до 80000 членовъ).

Среди французскихъ католиковъ идея разнаго рода союзовъ также нашла для себя широкое приложеніе. Крестьянскія и рабочія ассоціаціи, преслѣдующія цѣль взаимопомощи, здѣсь, какъ и въ католической Бельгіи, распространились широко и быстро. Подъ вліяніемъ пропаганды Ле-пле, горячаго пропагандиста идеи патрона, та въ хозяйствѣ и промышленности, здѣсь возникъ цѣлый рядъ синдикатовъ изъ хозяевъ и рабочихъ (въ концѣ 70-хъ годовъ ихъ насчитывалось числомъ до 200), ставившихъ своей задачей осуществленіе взаимопомощи въ интересахъ общаго—матеріальнаго и духовнаго блага, при чемъ хозяева выступали въ качествѣ попечителей и опекуновъ рабочихъ. Одновременно двѣ крупныя организаціи—„организація католическихъ рабочихъ кружковъ“ и „союзъ католическихъ ассоціацій“ работали съ значительнымъ успѣхомъ среди трудовыхъ классовъ, заботясь о моральномъ, религіозномъ, экономическомъ возрожденіи трудящихся. Нѣкоторые изъ кружковъ, подъ вліяніемъ Ш. Перена чуждавшіеся патроната, развивали очень успѣшно собственную активность, основывая банки, сберегательныя кассы, клубы и другія учрежденія экономическаго характера. Въ концѣ 80-хъ годовъ во Франціи насчитывалось до 400 рабочихъ кружковъ, до 50 христіански-организованныхъ мастерскихъ, значительное число ремесленныхъ и сельскихъ синдикатовъ. Нѣмецкіе католики въ 70—80-хъ годахъ въ свою очередь широко развили свою соціальную дѣятельность, основывая въ большомъ количествѣ кредитныя, сберегательныя союзы, союзы взаимопомощи и т. п.; а ихъ христіанскіе профессиональные союзы, считающіе членовъ своихъ, какъ и протестанты, также десятками тысячъ, составляютъ уже довольно замѣтную величину въ общемъ профессиональномъ движеніи страны.

Въ Англіи успѣхъ разнаго рода товариществъ въ свое время были особенно оцутительны. „Въ сравнительно короткое время возникло множество продуктивныхъ товариществъ и потребительныхъ обществъ и въ Лондонѣ и въ провинціи... Потребительныя общества распространились по самымъ отда-

леннымъ уголкамъ Англіи (Бр. 77—8). Было открыто значительное количество разнообразныхъ образовательныхъ учреждений, колледжей, многіе изъ которыхъ существуютъ и до настоящаго времени.

Основная и характерная черта христіанско-соціального движенія на этой стадіи—отрицательное отношеніе къ роли государства въ дѣлѣ разрѣшенія соціальной проблемы. Оно попрежнему покоится на недостаточно глубокомъ пониманіи объема самой проблемы, на недостаточно строгой оцѣнкѣ ея значенія. Превосходную и исчерпывающую характеристику движенія въ этой стадіи далъ Brentano въ своемъ резюмѣ программы христіанскаго соціализма Англіи.—„Народная политика это—выполненіе каждымъ классомъ общества лежащихъ на немъ обязанностей по отношенію къ другимъ классамъ. Для имущихъ классовъ эти обязанности выражаются въ необходимости сознать, что каждый собственникъ, владѣя своимъ имуществомъ, состоитъ на службѣ у Бога и людей. Обязанности трудящихся классовъ это: простота, нетребовательность и честность; вѣрность по отношенію къ предпринимателямъ и другъ къ другу, подчиненіе отдѣльнаго лица интересамъ цѣлаго, устраненіе конкуренціи и созданіе ассоціаций. (Брентано, 30)“. Дѣятели движенія попрежнему находятся какъ будто въ состояніи колебанія: соціальная проблема признается явленіемъ довольно широкимъ; для ея рѣшенія считается недостаточнымъ усиліе единичныхъ лицъ; но всѣ надежды возлагаются не на общество, не на государство, какъ организованную національную силу, а только на отдѣльныя группы лицъ. Точно также и творческой силой общественнаго возрожденія признается, какъ и ранѣе, только добровольное стремленіе къ соціальному лучшему этихъ отдѣльныхъ группъ.

Тѣмъ не менѣе и при извѣстныхъ успѣхахъ реформисты не чувствуютъ удовлетворенія. Вотъ какъ, напр., въ 80-хъ годахъ подводятся итоги дѣятельности христіанскихъ соціалистовъ въ Англіи: „христіанскіе соціалисты, не смотря на различныя недоброжелательства, приобрѣтали все болѣе довѣрія рабочихъ и скоро имѣли удовольствіе видѣть все болѣе и болѣе широкое распространеніе производительныхъ ассоціаций. И среди высшихъ классовъ день ото дня исчезали существовавшіе противъ нихъ предразсуд-

ки ¹⁾“. „Но всякій успѣхъ у нихъ отравлялся глубокимъ убѣжденіемъ, что общественная реформа возможна только черезъ нравственное возрожденіе каждаго на почвѣ подчиненія эгоистической склонности христіанской любви къ ближнимъ“. (Thrand 21), чего въ дѣйствительности не оказывалось. Губеръ (Германія), отдавшій всѣ свои силы теоретической и практической разработкѣ идеи рабочихъ ассоціацій, не уставшій годами вести горячую проповѣдь къ образованнымъ классамъ и государству, призывая ихъ на помощь дѣлу соціального обновленія, на закатѣ дней своихъ (17 мая 1869 г.; ум. 19 іюня) пишетъ, подводя такое резюме всей своей долгой работѣ: „этотъ планъ дѣйствій противъ безконечной *vis inertiae*, себялюбія во всѣхъ его проявленіяхъ у высшихъ классовъ я высмѣиваю теперь самъ прежде всѣхъ. И все-таки я не вижу иного пути... если вообще уже не поздно“

Германскіе рабочіе фереины, такъ быстро возникавшіе въ 80-хъ годахъ, и сплотившіе вокругъ своихъ гуманистическихъ цѣлей громадныя толпы трудового народа, въ концѣ концовъ всей своей исторіей также подтвердили только справедливость грустныхъ настроеній разочаровавшихся вождей движенія. Въ серединѣ 90-хъ годовъ развитіе ихъ вдругъ остановилось и существующія организаціи видимо начали подвергаться рѣшительному разложенію. Программа взаимопомощи оказалась въ различныхъ мѣстахъ слишкомъ недостаточной и узкой для прочнаго укрѣпленія и процвѣтанія рабочихъ союзовъ. Организовавъ массы, расширивъ ихъ кругозоръ, вообще, сыгравъ значительную роль въ развитіи германскаго рабочаго класса, эти же фереины самой работой своей столкнулись съ такими явленіями, передъ которыми одной индивидуалистической христіанско-соціальной работы оказалось недостаточно. Они волей—неволей должны были постепенно утратить болѣе или менѣе свой первоначальный филантропическій характеръ. Въ своей дальнѣйшей эволюціи они часто превратившись въ простые мелко-

¹⁾ По словамъ Брентано, въ то время, когда работали христіанскіе соціалисты надъ осуществленіемъ рабочихъ организацій, подъ влияніемъ идей манчестерской школы въ обществѣ существовалъ на нихъ взглядъ „чуть ли какъ не на преступное безуміе“ (69). Тѣмъ выше, конечно, поднимается цѣнность работы соціалистовъ.

буржуазные клубы, которые незамѣтно перешли въ маленькія политическія организаціи съ яркой антисемитической окраской; частію, наоборотъ, отклонились значительно влѣво и слились съ социалдемократіей, а частію представили собою матеріаль для другихъ политическихъ партій. Въ общемъ же, тѣ организаціи, которыя старались хранить вѣрность разъ принятымъ основаніямъ, окристаллизовались благодаря своимъ консервативно - патріархальнымъ воззрѣніямъ, въ замкнутые кружки и люди, возлагавшіе такъ много свѣтлыхъ надеждъ на евангельскіе фереины и думавшіе при ихъ посредствѣ завоевать широкія народныя массы для служенія идеѣ широкихъ социальныхъ реформъ (такъ именно глядѣлъ на нихъ П. Гере, много поработавшій для ихъ процвѣтанія), должны были разочароваться и отойти къ сторонѣ. Любопытно отмѣтить, что въ нѣдрахъ большинства фереиновъ съ первыхъ же дней ихъ существованія сразу обнаружилось два теченія,—непримиримыхъ, но и неизбѣжныхъ. Одно—консервативно-церковническое всегда тяготѣвшее къ установившимся формамъ общежитія, наличнымъ государственнымъ и правовымъ институтамъ, и другое, въ противоположность буржуазному характеру перваго—пролетарское, частію революціонное. Узкое русло, по которому направилось рабочее движеніе въ фереинахъ, такимъ образомъ, оказалось недостаточнымъ; оно должно было раздаться и раздалось, уступивъ въ исторіи мѣсто союзамъ съ опредѣленной политической окраской и интересами, уходящими далеко за внутренніе предѣлы фереина. Въ своей массѣ фереины, конечно, не уничтожились; они продолжаютъ существовать, но наплывъ политическихъ идей рѣшительно дифференцировалъ эту первоначально однородную массу и новѣйшіе рабочіе союзы, которые необходимо ставить въ генетическую связь съ фереинами, въ подавляющей массѣ являются опредѣленными политическими группировками.

Въ частности производительныя ассоціаціи, значеніе которыхъ въ концѣ концовъ сошло къ нулю, принесли, по крайней мѣрѣ въ Англии, и другого рода разочарованія: захватывая лишь маленькіе уголки на промышленномъ полѣ, эти ассоціаціи являлись въ роли мелкихъ самостоятельныхъ предпріятій, и, конечно, не освобождались отъ свойствъ, присущихъ капиталистическому строю; конкуренція и духъ

наживы, кружковий эгоизмъ и узкій партикуляризмъ, съ точки зрѣнія руководителей христіанскаго соціализма, разлагали эти соединенія, внося въ нихъ атмосферу, чуждую духа любви Христовой. Вмѣстѣ съ этимъ „исчезала всякая надежда на осуществленіе экономическаго идеала соціалистовъ въ видѣ концентраціи всѣхъ производствъ въ одной ассоціаціи. Конкуренція, развившаяся между отдѣльными маленькими союзами, стала угрожать самому существованію послѣднихъ“ (Бр. 80).—Къ аналогичному заключенію пришли во Франціи и соціаль-католики. Специфическій характеръ французскихъ рабочихъ организацій съ ихъ преобладаніемъ идеи патроната самъ по себѣ не могъ служить прочной основой для ихъ развитія. Рабочіе, въ общемъ, очень недружелюбно принимали покровительство хозяевъ и теченія, противоположныя идеямъ Ле-пле, въ особенности идеи Перена и Кеттелера—идеи свободныхъ ассоціацій и государственнаго вмѣшательства, взяли въ концѣ концовъ верхъ. Поэтому, и „католическіе кружки“, повторяя обычнаго типа благотворительныя учрежденія, „не вызвали большаго броженія идей и въ дѣйствительности имѣли довольно слабое соціальное значеніе“ (Гуго и Шт. 2, 924), „достигнувъ въ общемъ лишь незначительныхъ результатовъ“ (Вейль. 355). Не удивительно, если и здѣсь мало по малу возобладало стремленіе къ болѣе широкой постановкѣ соціальной проблемы и окрѣпло убѣжденіе въ полномъ безсиліи путемъ добровольныхъ ассоціацій и благотворительныхъ учрежденій достигнуть сколько нибудь ощутительныхъ результатовъ. На помощь угнетеннымъ классамъ должно выступить государство, какъ путемъ оказанія матеріальной поддержки рабочимъ предпріятіямъ, такъ еще болѣе законодательной работой, созданіемъ принудительнымъ путемъ новыхъ условій труда.

Не удивительно, если реформисты не ограничились въ концѣ концовъ работой чисто благотворительнаго характера. Хотя организація рабочихъ въ союзы и представляетъ видъ соціальной дѣятельности, но здѣсь всетаки они не сходятъ съ почвы индивидуализма. Пока соединеніе отдѣльных лицъ въ какое либо общество носитъ характеръ совершенно добровольнаго соглашенія, такое соединеніе можно считать чисто индивидуалистическимъ, какія бы цѣли оно ни пре-

слѣдовало. И въ дѣятельности рабочихъ союзовъ имѣло мѣсто только добровольное самопринужденіе, которое никого помимо его воли не обязывало ни къ чему безусловному. Путь, черезъ который реформисты выходятъ къ собственно соціальной дѣятельности, это—обращеніе къ политикѣ.

Въ качествѣ сторонниковъ политической дѣятельности реформисты стараются образовывать политическія партіи, чтобы путемъ активнаго вмѣшательства въ законодательную жизнь страны вліять такъ или иначе на соціальную эволюцію общества, или же—что бываетъ чаще—не организуясь въ самостоятельныя политическія партіи, выступаютъ отъ лица разнаго рода кружковъ и организацій съ агитаціей въ пользу государственнаго вмѣшательства въ жизнь страны въ извѣстномъ направленіи. На этотъ новый путь соціальной дѣятельности къ 90-мъ годамъ прошлаго столѣтія болѣе или менѣе рѣшительно переходятъ почти всѣ христіанскіе реформисты.

Понятно, въ цѣломъ, основной и общій характеръ всего движенія удерживается имъ и на этой новой стадіи. Варьируясь на разнообразныя виды и въ частныхъ вопросахъ отличаясь другъ отъ друга, политическія программы реформистовъ имѣютъ своей отличительной особенностью объявленіе неизбѣжности основъ даннаго общества—какъ соціальныхъ, такъ иногда и политическихъ и охраненіе неприкосновенности существующаго строя. Съ положительной стороны всѣ онѣ съ большей или меньшей послѣдовательностію стоятъ за проведеніе законодательнымъ путемъ такихъ мѣропріятій, которыя могли бы до извѣстной степени парализовать противорѣчія труда и капитала, рабочихъ и собственниковъ, въ частности—обеспечивали за рабочими право свободнаго устроенія своей жизни, ограждали ихъ отъ чрезмѣрной эксплуатаціи, защищали трудъ, поощряли рабочія организаціи и т. д.

Въ разныхъ странахъ политическое христіанско-соціальное движеніе достигло различныхъ степеней.

Въ католическомъ мірѣ, и въ частности во Франціи соціальная мысль окончательно отклонилась къ идеѣ государственнаго вмѣшательства и политической работы послѣ знаменитой энциклики Льва XIII (1891) г. *Quam parvam*.—До этого времени такая тенденція лишь изрѣдка прорывалась

тамъ и тутъ, хотя въ главной „организаціи кружковъ“ уже съ 80-хъ годовъ она усиленно пропагандируется и растетъ на счетъ идей патроната и свободныхъ ассоціацій. Интернаціональные соціально-католическіе конгрессы до самаго кануна энциклики—90-го года не могли придти по данному вопросу къ какому-либо опредѣленному взгляду, а въ школѣ Ле-пле и широкихъ католическихъ кругахъ самая идея государственнаго вмѣшательства въ соціальную жизнь и обращенія къ политикѣ казалась вреднымъ новаторствомъ, съ которымъ необходимо бороться. Энциклика положила конецъ всякимъ разногласіямъ. Теперь во Франціи возникаетъ новое и широкое теченіе на смѣну раннѣйшихъ организацій—христианско-демократическое. Изъ него выдѣляется „Національный союзъ“ абб. Гарнье, стремившійся къ пропагандѣ корпоративной организаціи, соціальнаго законодательства и корпоративнаго и христианскаго духа. Наконецъ, въ 96 году организуется „христианско-демократическая партія“, которая не принимаетъ никакой опредѣленной (детально разработанной) политической программы, но, стоя на республиканской почвѣ, выступаетъ съ агитаціей въ пользу признанія правъ гражданской личности за синдикатами, покровительства мелкой торговли и промышленности и т. п.

Основныя идеи этой партіи такимъ образомъ резюмируетъ абб. Гейро черезъ три года послѣ ея возникновенія: „демократія есть результатъ Евангелія. Она должна взять за основное правило политическихъ и гражданскихъ учрежденій равенство гражданъ передъ законами; за базисъ соціальной организаціи—уваженіе правъ, которыя личности и семьи, составные элементы общества, имѣютъ отъ Бога и свободное пользованіе которыми государство обязано гарантировать и облегчать; за основной законъ экономическаго строя—профессіональныя организаціи рабочихъ, какую-бы функцію онѣ не выполняли въ національной жизни“. Партія съ самаго начала старалась быть свободной отъ конфессіональнаго фанатизма (Вейль 368), но она всегда оставалась по преимуществу партией духовенства и съ самыхъ первыхъ шаговъ обнаружила чрезвычайно напряженную ненависть къ еврейству, въ этомъ отношеніи вообще раздѣливъ судьбу наиболѣе консервативнаго католицизма. До какой степени органически и глубоко въ сознаніи партійныхъ работниковъ

были ввѣдены идеи антисемитизма, видно изъ того, что нѣкоторые изъ конгрессовъ партіи были сплошнымъ „апофеозомъ антисемитизма“. Здѣсь доказывалось, что церковь всегда была антисемитична и выставлялись рѣшительныя требованія „изгнанія всѣхъ соціальныхъ отбросовъ и въ частности евреевъ“ (Вейль 367). Надо замѣтить, что соціаль-католики въ своей дѣятельности всегда управлялись еще одной идеей, подрывающей жизнеспособность партіи—идеей папизма, клерикальнымъ стремленіемъ все подчинить папѣ, привести въ послушаніе волѣ іерархіи. Поэтому горячая преданность соціально-политической работѣ во имя самодовлѣющихъ соціальныхъ цѣлей, здѣсь всегда встрѣчала тормазъ со стороны епископства, не говоря уже о широкихъ буржуазныхъ кругахъ. Впрочемъ для клерикальнаго и буржуазнаго католицизма и та скромная дѣятельность, развиваемая „христіанско-демократической партіей“ оказалась слишкомъ проникнутой новаторствомъ и радикализмомъ. Противъ нея поднялось рѣшительное гоненіе, которое къ 1901 году закончилось новой папской энцикликой *Graves de communi*, порицавшей увлеченія христіанской демократіи и послужившей для партіи строгимъ обвинительнымъ приговоромъ авторитетнаго судьи. Правда, еще ранѣе на одномъ изъ конгрессовъ члены его съ грустью констатировали, что вліяніе партіи на рабочихъ слишкомъ незначительно, но тѣмъ тяжелѣе былъ для нея ударъ, нанесенный изъ Рима. Впрочемъ соціаль-католики не теряютъ мужества и въ душахъ многихъ изъ нихъ все еще живетъ надежда, „что наступитъ, наконецъ, тотъ день, когда церковь при помощи демократіи достигнетъ неограниченной власти“ (Вейль 375).

Позиція, занятая германскими соціаль-католиками въ политической области, въ сущности, тождественна съ французской. „Держась церкви въ религіозномъ отношеніи, они и политически слѣдуютъ за ней“ (Науманъ 160). „Католикъ... привязанъ къ духовнымъ монархическимъ авторитетамъ, къ системѣ, гдѣ идея большинства не признается, ... рѣдко признаетъ всю остроту классовой борьбы, какъ таковой, ибо его религія, по его представленію, способствуетъ объединенію классовъ“ (161). Въ концѣ концовъ, политико-соціальная платформа германскихъ католиковъ никогда не отклоняется лѣвѣе центра и мѣропріятія, которыя могутъ надѣяться на

ихъ поддержку не должны переступать тѣсныхъ границъ умѣренности, и скорѣе влекутъ страну въ сторону реакціи, закрѣпленія дѣйствительнаго положенія вещей, чѣмъ на путь широкихъ и демократическихъ реформъ.

На протестантской почвѣ (въ Германіи) политическая партія, строящаяся на почвѣ Евангелія возникла впервые въ 80-хъ годахъ, хотя идея такой партіи тамъ культивировалась уже давно. Впервые на этой почвѣ съ могучей энергіей и одушевленіемъ работалъ пасторъ Тодтъ, организаторъ „Центральнаго ферейна“, который ставилъ опредѣленные цѣли—„подготовленіе социальныхъ реформъ на религіозномъ и конституціонно-монархическомъ основаніяхъ“, заявляя какъ свое коренное убѣжденіе, что „разрѣшеніе социальнаго вопроса не мыслимо безъ содѣйствія морально-религіозныхъ факторовъ и безъ выступленія церкви за справедливыя требованія четвертаго сословія“. Предпріятіе Тодта не имѣло самостоятельной исторіи, уступивъ мѣсто работѣ Штеккера (пасторъ, придворный проповѣдникъ), которому и принадлежитъ извѣстность организатора политической христіанско-соціальной партіи.

А. Штеккеръ открыто призналъ въ христіанствѣ социальную силу, которая должна проникнуть всѣ поры жизни: „молитва для домашней жизни, религія же—христіанство—для политической, социальной промышленной жизни“ (Nath. 135).

Въ основу учрежденной Штеккеромъ партіи легли слѣдующія общія основоположенія. 1. „Христіанско-соціальная рабочая партія стоитъ на почвѣ христіанской вѣры и любви къ королю и отечеству. 2. Она отвергаетъ современную соціаль-демократію, какъ непрактичную, нехристіанскую и непатріотическую. 3. Она стремится къ мирной организаціи рабочихъ, что-бы сообща съ другими факторами государственной жизни подготовить путь для необходимыхъ практическихъ реформъ. 4. Своей цѣлью она преслѣдуетъ уменьшеніе пропасти между богатствомъ и бѣдностью и установленіе большей экономической обезпеченности“. На основаніи такихъ общихъ принциповъ Штеккеромъ была построена и детальная программа, сущность которой въ рабочемъ вопросѣ сводится къ организаціи государствомъ обязательныхъ ремесленныхъ союзовъ, разнообразной помощи и поддержки этимъ союзамъ, защитѣ интересовъ широкихъ рабочихъ

слоевъ, каковы запрещеніе воскреснаго труда, „нормальный“ рабочій день, защита женскаго и дѣтскаго труда, оздоровленіе условій труда. Въ финансовой программѣ выставляется требованіе прогрессивнаго подоходнаго налога, налога на наслѣдства, на роскошь. Программа призываетъ духовенство и владѣющіе классы работать въ пользу удовлетворенія справедливыхъ требованій рабочихъ черезъ воздѣйствіе на законодательство, повышеніе платы и сокращеніе рабочаго дня и наконецъ, въ интересахъ взаимопомощи общается отъ партіи дружественную поддержку существующимъ ремесленнымъ организаціямъ въ смыслѣ укрѣпленія въ нихъ того, что нѣкогда было жизненнымъ въ цеховыхъ ассоціаціяхъ и вообще поддержку рабочимъ въ христіанскомъ духѣ (развитіе въ рабочихъ чувства личной и классовой чести, борьба съ грубыми удовольствіями и т. п.). Однако, съ такой программой, которую Гере называетъ лучшей—наиболѣе законченной, послѣдовательной,—изъ всѣхъ, какія когда либо ранѣе и впослѣдствіи выдвигало германское христіанское движеніе (52) (не даромъ же она была встрѣчена недружно и далеко недружелюбно консервативными кругами) — партія едва просуществовала 1—2 года. Чисто-консервативный элементъ, который легъ въ основу программы—церковно-евангелическая почва съ стремленіемъ сохранить неприкосновенность политическихъ и социальныхъ формъ, быстро притянули въ ряды партіи вмѣстѣ съ рабочими массами консервативные классы средней и мелкой буржуазіи. Основное внутреннее противорѣчіе консерватизма и прогрессивности быстро разрѣшилось полной побѣдой коренныхъ принциповъ партійной программы, не смотря на то, что партія повидимому, стояла всецѣло на почвѣ интересовъ обездоленныхъ. Партія изъ христіанско-соціальной *рабочей* превратилась скоро просто въ „христіанско-соціальную“ (1880). Борьба противъ злоупотребленій капитализма и атеистическихъ тенденцій непатріотичнаго либерализма и социализма послѣ недолгой эволюціи окристаллизовалась въ узкую націоналистическую тенденцію антисемитизма. Уже въ самые первые дни существованія новой партіи, когда только она складывалась, Штеккеръ въ агитационныхъ рѣчахъ говорилъ: „борьба съ іудействомъ возможна только на почвѣ чистаго консерватизма, ... непременно въ союзѣ съ церковью... іудейство есть

религія и его враги должны быть одушевлены религиозным жаромъ. Если антисемитизмъ перестанетъ быть христіанскимъ, то онъ ничего не сдѣлаетъ“. (Водовозовъ). Правда антисемитизмъ штеккеровской партіи сначала не былъ программнымъ лозунгомъ. Это было средство использовать жившее въ народныхъ массахъ настроеніе въ интересахъ молодой партіи. Но движеніе антисемитизма, искусственно поддержанное христіанско-соціальной партіей, быстро разрослось и скоро приобрѣло настолько напряженный характеръ, что самому Штеккеру, все же соблюдавшему сначала извѣстную корректность въ остромъ и больномъ еврейскомъ вопросѣ, пришлось внести въ свою программу требованія по еврейскому вопросу вполне агрессивнаго характера. Уже черезъ два года послѣ возникновенія партіи въ 1880 году „анти-семитизмъ для партіи былъ все“ (Гере 79). Въ концѣ концовъ христіанско-соціальная партія Штеккера, отклоняясь все болѣе и болѣе вправо и освобождаясь отъ пролетарскихъ тенденцій, приняла рѣзко реакціонный характеръ, въ сознаніи передовыхъ общественныхъ слоевъ почти совершенно слившись съ буржуазными консервативными партіями. Рабочій составъ ея замѣнился ремесленниками, торговцами и юнкерами. Сообразно съ этимъ въ ея программѣ все упорнѣе звучитъ стремленіе покоиться на христіанской основѣ. „Христіанско-соціальная партія стремится на основѣ христіанства и любви къ отечеству къ объединенію одушевленныхъ христіанско-соціальныхъ духомъ народныхъ круговъ всѣхъ слоевъ и званій... Христіанско-соціальная партія борется со всякими нехристіанскими и нѣмецкими направленіями и учрежденіями... Христіанско-соціальная партія хочетъ государство и общество, семью и личность возвратить подъ вліяніе живого и практическаго христіанства и тѣмъ самымъ помочь созиданію единственно дѣйствительнаго основанія для обновленія нѣмецкаго духа“ и т. д. Въ числѣ конкретныхъ лозунговъ теперь программа прежде всего выставляетъ требованіе сильной монархіи, полной самостоятельности церкви, религіознаго воспитанія, конфессіональной школы. Кромѣ отдѣловъ экономической, соціальной, финансовой политики вновь появляется требованіе „энергичной колониальной политики“ и четыре пункта по еврейскому вопросу, настаивающіе на изгнаніи евреевъ изъ правительственныхъ должно-

стей, ограниченіи прочихъ служебныхъ правъ, правъ на образованіе, запрещеніи переселеній.

Партія Штеккера, какъ самостоятельная политическая партія, не оказалась жизненной. Она не внесла никакихъ новыхъ освѣжающихъ теченій въ общественную жизнь и постепенно затерялась, оказавшись съ самаго начала въ списокъ прочихъ консервативно-реакціонныхъ партій. Гере называетъ ее несовершеннолѣтней дочерью консервативной партіи; только держась за ея передникъ, она и могла занимать мѣсто въ ряду другихъ партій (106). Правда, подъ ея вліяніемъ консервативныя партіи, отдѣльно отъ которыхъ она никогда не выступала, начали удѣлять извѣстную долю вниманія социальнымъ реформамъ, но партіи въ цѣломъ никогда не удалось поборотъ въ себѣ роковую двойственность внутреннихъ принциповъ, и не удалось вырости въ жизненную могучую общественную силу. Искусственная спаянность разнородныхъ элементовъ погубила въ концѣ концовъ и эту партію какъ ранѣе погибли отъ той же причины фрейны. Съ одной стороны крайне реакціонный консерватизмъ не могъ помириться съ тѣмъ вліяніемъ, какое имѣлъ въ партіи Штеккеръ и въ концѣ концовъ значеніе его свелось почти совершенно къ нулю. Съ другой стороны, внутри партіи оппозиціонное и болѣе радикально настроенное теченіе не могло удержаться въ ея тѣсныхъ предѣлахъ. Группа „молодыхъ“ съ пасторомъ Науманомъ во главѣ, положила много труда и силъ, чтобы обновить и освѣжить программу этой партіи. Они стремились освободить ее отъ духа фанатичной нетерпимости по отношенію къ идейнымъ противникамъ — социалистамъ и ультрамонтанамъ и вмѣстѣ поставить социальный интересъ и социальныя задачи въ партіи на болѣе видное мѣсто. Но всѣ усилія ихъ были безуспѣшны и въ 1896 г. партія раскололась. Науманъ со своей группой выдѣлился, чтобы образовать новую партію (національно-социальную, скоро впрочемъ слившуюся съ „свободомыслящимъ союзомъ“) но уже свободную отъ всякихъ претензій практическія программныя требованія строить на евангельскихъ или библейскихъ принципахъ.

Можно сказать, что партія Штеккера съ выходомъ „молодыхъ“ прекратила свое существованіе. Во всякомъ случаѣ, этимъ моментомъ закончилась своеобразная и любопытная

эволюція христiанско-соціального движенія въ Германiи. Національно-соціальная партія, составленная „молодыми“, вовсе не социалистическая и не революціонная. Организуя ее, Науманъ вовсе не отказался отъ религіи и исповѣдыванія Евангелія, какъ великой творческой силы. И внутренніе принципы новой партіи въ сущности остались тѣ же, что провозглашались и Штеккеромъ: евангельскій гуманизмъ, идея общаго блага. Науманъ отказался лишь отъ антисемитизма и конфессіонализма, усиливъ въ своей программѣ элементы социальный и демократическій. Но отбросивъ христiанскую идеологию въ партійныхъ формулахъ (можетъ быть точнѣе надо выразиться: христiанскую фразу, фразологию) онъ мотивировалъ это глубокимъ убѣжденіемъ, что Христосъ и Евангеліе шире какихъ бо то ни было временныхъ интересовъ и минутныхъ программныхъ стремленій; что христiанскими могутъ быть стремленія интернаціоналистовъ социаль-демократовъ въ не меньшей степени, чѣмъ стремленія приверженцевъ Штеккера. Въ данномъ случаѣ эволюція движенія въ сущности вполнѣ закончена. Когда Тодтъ мечталъ о социально-политической христiанской партіи и теоретически подготавливалъ ее, онъ работалъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что программа христiанской партіи цѣликомъ можетъ и должна быть выведена изъ Библии, изъ ученія Христа. Программные тезисы должны быть не больше, какъ только простой иллюстраціей къ тезисамъ Евангелія, потому что Библия заключаетъ въ себѣ опредѣленные социальные законы и для нашихъ дней. Штеккеръ, воплоитель въ жизни идей Тодта, возставалъ, въ особенности въ началѣ своей дѣятельности, противъ такого метода Тодта въ обоснованіи программныхъ требованій партіи. Онъ отрицательно относился къ его наивной вѣрѣ въ возможность соткать изъ ученія Христа политическую экономію. Поэтому свои программныя требованія онъ устроилъ не на тезисахъ Евангелія, а только на фундаментѣ общаго духа христiанской вѣры, на основѣ Евангельскаго ученія вообще. Въ библии онъ видѣлъ только опредѣленные религіозно-нравственные принципы, на которыхъ должна быть построена общественная и частная жизнь, лишь зерна, которыя должны вырости въ дерево въ современномъ обществѣ. „Церковь не имѣетъ призванія въ подробностяхъ устанавливать экономическую программу“ (Sohresb) говорилъ

Штеккеръ въ 1878 г. Онъ заявилъ даже: „что я дѣлаю какъ политикъ, я дѣлаю не какъ священникъ“ (57). Наконецъ, въ дѣятельности Наумана (и Гере) воспитавшагося всецѣло въ атмосферѣ христіанско-соціальной работы, выступаетъ рѣшительно убѣжденіе, что Евангеліе не можетъ быть основой какой либо одной опредѣленной программы, что, слѣдовательно, претензіи опредѣленныхъ партій на званіе „христіанскихъ“, въ сущности всегда могутъ быть очень сомнительны. Такимъ образомъ въ стадіи, вызванной Науманомъ, христіанско-соціальное движеніе сбрасываетъ съ себя евангельское покрывало и выступаетъ въ ряду прочихъ общественныхъ теченій какъ одно изъ многочисленныхъ его развѣтвленій безъ какихъ либо претензій вѣщать вѣчныя для всѣхъ пріемлемыя и обязательныя истины ¹⁾).

Современное англійское христіанское соціально-политическое движеніе стоитъ до извѣстной степени особенномъ, хотя въ нѣкоторыхъ линіяхъ очень сближается съ Германскимъ. Оно, поскольку держится христіанской почвы, вѣрно хранить традиціи прошлаго: тяготеетъ къ социализму. Тѣмъ не менѣе похвалиться успѣхомъ, численностью приверженцевъ оно не можетъ. Изъ существующихъ организацій—ни „Христіанско-соціалистическое общество“, ни „Гильдія св. Матейя“ не пользуются сколько нибудь значительнымъ влія-

1) Къ убѣжденію въ невозможности организовать партійную работу извѣстнаго направленія на данныхъ откровенія Науманъ приходилъ уже довольно давно, во время работы въ евангелическихъ союзахъ. Но окончательно оно созрѣло лишь въ половинѣ 90 хъ годовъ, когда онъ и основалъ свою партію. Въ своей книгѣ „Демократія и Верховная власть“ это убѣжденіе онъ высказалъ въ слѣдующихъ словахъ: „Иисусъ Христосъ не былъ политикомъ. Не разъ пытался извлечь политическія нормы изъ неисчерпаемаго источника его словъ. Дѣлали эту попытку и протеставты, и я въ былые годы принималъ въ ней участіе. Въ результатѣ—убѣжденіе, что нравственныя заповѣди Спасителя настолько общечеловѣчны, чисто нравственны, что онѣ не могутъ дать никакихъ указавій на счетъ того, какъ вести соціальную, демократическую или аристократическую политику въ какую-либо опредѣленную эпоху, напр., въ эпоху индустриализма. Значеніе Иисуса вовсе не умаляется въ глазахъ нашихъ тѣмъ, что мы не можемъ заимствовать у Него свою политическую тактику и технику“. (159). Пасторъ Гере, оставившій штеккеровскую партію вмѣстѣ съ Науманомъ, въ этомъ пунктѣ всецѣло раздѣляетъ точку зрѣнія Наумана. Онъ перешелъ въ лагерь соціалъ демократовъ, не отказавшись отъ своей евангелической вѣры.

ніемъ. Въ программахъ обществъ доминируетъ стремленіе базироваться на евангельской основѣ — „осуществлять въ промышленной организаціи общества принципы, которые заключаются въ жизни и ученіи І. Христа“. Послѣднія цѣли, преслѣдуемыя ими — поставить людей въ возможность „въ измѣненныхъ условіяхъ жизни плодотворно осуществить проповѣдуемые Христомъ принципы во всѣхъ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, объединеніе людей въ истинномъ всеобщемъ братскомъ союзѣ“. Путь, ведущій къ этимъ цѣлямъ, въ хозяйственно-соціальной сферѣ — постепенное введеніе общественнаго контроля надъ землей и капиталомъ, организація общества на основѣ правильно организованнаго труда и нравственнаго достоинства, а не на основаніи состоянія исключительности правъ и монополій“ и т. п. (Гуго и Штегманъ 2, 915). Но если часть англійскихъ христіанъ сочла нужнымъ объединиться на евангельской почвѣ вокругъ опредѣленныхъ соціально-политическихъ лозунговъ, то для другихъ не оказалось такой необходимости. Множество вѣрующіихъ состоятъ членами другихъ политическихъ партій самыхъ разнообразныхъ типовъ. И все христіанское движеніе, совершенно въ духѣ нѣмецкаго пастора Наумана растворяется въ общемъ массовомъ, соціальномъ и соціалистическомъ движеніи страны.

Таковъ въ самыхъ общихъ и схематическихъ чертахъ тотъ путь, какимъ шло развитіе христіанско-соціального движенія въ истекшемъ вѣкѣ въ передовыхъ странахъ Европы. Передъ нами цѣлый рядъ направленій и теченій, своего рода сложное зданіе, верхніе звенья котораго, завершая строеніе, совершенно отличны отъ историческаго фундамента. Здѣсь въ этихъ верхнихъ слояхъ выступаютъ на лицо два новыхъ качества движенія—оно стремится или отказаться отъ своихъ титуловъ, какъ специфически христіанское или евангелическое и превращается просто въ движеніе соціальное, или сходитъ съ традиціонной почвы умѣреннаго соціального реформизма, чтобы служить дѣлу соціальной революціи, пополнить кадры приверженцевъ социализма. И въ послѣднемъ случаѣ оно стремится также освободиться отъ евангельской фразы, впрочемъ, не отказываясь отъ его духа, воплотивъ убѣжденное, что „по своей природѣ социализмъ и христіанство не враждебны другъ другу“, (Фр. Маврицій Nathusius 129), что

чисто религіозные взгляды не только могут не противорѣчить революціонному социализму, но даже могут прямо привести въ ряды социаль-демократіи (Герере какъ св. сталь соц.-д. з) ¹⁾.

На своемъ, сравнительно не длинномъ историческомъ пути, христіанско-соціальное движеніе все же обнаружило со всей яркостью свои основныя типическія черты.

Оно всегда и всюду, за незначительными исключеніями, оставалось строго умѣреннымъ и реформаціоннымъ. Дѣятельность—соціальная и политическая—никогда не считалась здѣсь принципиально и по существу ненормальной, нуждающейся въ коренной реорганизаціи; оно стремилось только внести въ нее нѣкоторыя поправки. Съ другой стороны, оно никогда не было равнодушно къ революціонному теченію, всегда считалось съ нимъ, какъ своимъ непримиримымъ врагомъ и тѣмъ рѣшительнѣе объявляло ему войну, чѣмъ энергичнѣе защищало устои современнаго общества. Естественно, что оно всегда было настроено особенно непримиримо по отношенію къ социаль-демократіи. Здѣсь собственно два момента всегда вызывали раздраженіе въ сторонникахъ христіанскаго движенія: атеистически-материалистическій характеръ метафизической доктрины социализма и его революціонность.—Въ сущности эта вражда была понятна и неизбѣжна. Вожди христіанскаго социальнаго движенія, конечно, не могли помириться съ ростомъ невѣрія и пропагандой атеизма, надвигавшейся на рабочій классъ со

¹⁾ То обстоятельство, что эволюція христіанско-социальнаго движенія достигла опредѣленныхъ границъ, не означаетъ, что раннѣйшія стадіи пережиты, и, какъ пережитыя, представляютъ лишь историческій фактъ. Нѣтъ, всѣ формы христіанско-социальной дѣятельности продолжаютъ одновременно существованіе и въ настоящее время, отвѣчая опредѣленнымъ наличнымъ потребностямъ времени, и, напр., въ наши дни также не удивительно слышать рѣчи, которыя раздавались 15 лѣтъ назадъ и которыя представляютъ повтореніе того, что говорилось въ 40 — 50 годахъ: „противъ пропастей, которыя открылись въ нашемъ народѣ, есть только одна примиряющая и исцѣляющая сила—благодать, которую даетъ Евангеліе, которая ведетъ къ справедливости, пробуждаетъ силы любви. Мы пойдемъ по стопамъ Господа и Апостоловъ, которые не знали другой силы, кромѣ слова истины и благодати.. Мы призываемъ совѣсть, а не руку государственной силы (изъ доклада паст. К. Мауѣг'а на проповѣдническомъ собраніи: die sociale Stellung und Aufgabe des Ewangelischen Seistlichen in der Segenwart. Zeitschrift zur pr. Theol. 1890. H. I.

стороны социализма. Они должны были выступать на защиту и укрѣпленіе началъ религіозной вѣры въ тѣхъ кругахъ, въ которыхъ работали. Но при этомъ, въ запальчивости борьбы, имъ трудно было уберечься отъ увлеченій и ложныхъ шаговъ; они въ своей работѣ постоянно подчеркивали свою вѣрность религіознымъ принципамъ и завѣтамъ Христа, старались монополизировать за собой самое право использования религіозныхъ данныхъ въ социальномъ смыслѣ и слишкомъ широко и свободно пользовались религіознымъ санкціонированіемъ своихъ программныхъ требованій. Въ результатѣ партійная полемика съ политическими врагами постоянно велась внѣ надлежащихъ сферъ и въ концѣ концовъ не въ интересахъ социальной правды и социальныхъ потребностей времени.

Но едва ли не болѣе глубокимъ источникомъ вражды къ социализму служилъ его революціонный характеръ, его стремленіе разрѣшить борьбу классовъ въ интересахъ пролетаріата, поколебавъ дѣйствительное соотношеніе общественныхъ силъ въ ущербъ благу и привилегіямъ буржуазныхъ классовъ. Христианское социальное движеніе, вызванное общей распатанностью общественныхъ устоевъ, съ самаго начала въ цѣломъ отличалось умѣренностью и палліативностью предпринимаемыхъ средствъ борьбы со зломъ. Оно, почерпая одушевленіе изъ Евангелія мира и любви, носило примирительный характеръ; оно чуждалось широкихъ задачъ, избѣгало арены шумной борьбы. И консервативные элементы общества не гдѣ нибудь, а именно здѣсь неизбѣжно должны были найти тихое пристанище для своего духа, возмущеннаго революціоннымъ гуломъ обездоленныхъ классовъ. Не удивительно, если христианское движеніе съ самаго возникновенія и до послѣднихъ дней прежде всего являлось той отдушиной, черезъ которую имущіе классы надѣялись парализовать могучій ростъ революціоннаго настроенія массъ. Христианское движеніе въ общемъ никогда не было классовымъ, пролетарскимъ. Въ немъ всегда объединялись по существу враждебные элементы—собственники и пролетаріи и, естественно, оно чаще свои симпатіи отдавало голосу первыхъ, чѣмъ желаніямъ вторыхъ. Не удивительно, поэтому, если такъ часто господствовавшая въ немъ „социальная власть“—какъ во французской школѣ Ле-пле назывались

„хозяева“, владѣльческіе элементы общества—всѣ силы движенія, его нервы, мозгъ и средства употребляла только на борьбу съ революціоннымъ социализмомъ и въ этомъ видѣла порой единственную свою задачу ¹⁾. Но въ концѣ концовъ эти особенности христіанско-соціального движенія служили для него всегда той болѣзненной язвой, которая постоянно парализовала, несмотря на извѣстные успѣхи,—его жизне-способность, заставляла неизбѣжно тускнѣть блескъ его мощи и славы. И такъ на всѣхъ ступеняхъ движенія ¹⁾. Руководителей движенія всегда и вездѣ весьма огорчало, что тѣ—во имя которыхъ начиналась работа—обездоленные—съ большой неохотой шли въ ихъ ряды и слишкомъ часто ихъ оставляли только затѣмъ, чтобы уйти въ станъ лѣвыхъ противниковъ.

Если теперь характеризовать движеніе по конфессіональнымъ группировкамъ, то въ общихъ чертахъ обрисовывается

¹⁾ Въ этомъ отношеніи необыкновенную энергію проявляли католики. Имъ удавалось даже въ борьбу съ социализмомъ вносить чисто конфессіональные мотивы. Они часто утверждали, что социализмъ стоитъ въ прямой генетической связи съ протестантизмомъ и одновременно направляли удары по двумъ противникамъ. Антисоціалистическую дѣятельность германскихъ католиковъ п. Науманъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „самая идея революціи у насъ искусственно оживлялась разглагольствомъ о призракѣ революціи. Оно (духовенство) такъ привыкло проповѣдывать о дьявольскихъ силахъ бездны и пугать своихъ слушателей краснымъ пламенемъ и кровавымъ убійствомъ, что пройдетъ много времени, прежде чѣмъ и въ хижинахъ каплановъ научатся видѣть чело-вѣческія дѣла въ чело-вѣческомъ и правдивомъ освѣщеніи“ (13). Нельзя сказать, чтобы и протестанты, консервативно-настроенные, относились къ социаль-демократіи мягче, чѣмъ католики. Они не жалѣли по ихъ адресу никакихъ эпитетовъ вплоть до двусмысленной клички „адвокатовъ іуды“. Насколько дѣятельность „христіанскихъ социалистовъ“ въ борьбѣ съ революціоннымъ социализмомъ была широка и успѣшна, видно уже изъ того, что въ некоторые политико-экономы, враждебные социализму, ставятъ ее въ особенную историческую заслугу всему христіанско-соціальному движенію и въ частности духовенству (напр. *Öchelhäuser Werner*).

²⁾ Это прежде всего оправдывается для Германіи—классической страны рабочаго движенія: В. Зомбартъ такъ говоритъ о положеніи христіанскихъ организацій въ Германіи: „они стремятся быть антисоціалистическими прежде всего въ смыслѣ борьбы съ материализмомъ и атеизмомъ“ 320. Но „кто у насъ хочетъ защищать интересы рабочихъ и въ то же время стоять въ сторонѣ отъ социаль-демократіи и даже выступаетъ противъ нея, тотъ заранѣе осужденъ на полное безсиліе. Во всякомъ случаѣ, такъ было до сихъ поръ. (1901 г.) (255. А всетаки).

такая картина положенія дѣла. Относительно католическаго движенія можно сказать словами Наумана: „чистая, ярко-выраженная демократія, не растеть на католической почвѣ“ (161). Здѣсь „во всемъ рѣзкости сглаживаются, получается мягкое пріятное благоуханіе, сѣроватый гармоническій мракъ, какъ въ прекрасныхъ старинныхъ католическихъ церквяхъ“ (162),—однако ничего не дающій страждущимъ и угнетеннымъ элементамъ человѣчества. Авторитетъ церковной и, собственно, папской власти культъ послушанія и духовнаго самодержавія здѣсь накладываютъ неизгладимую печать на весь строй мысли и еще болѣе образъ поведенія вѣрныхъ подданныхъ святого престола.

Въ германско-протестанскомъ движеніи этотъ грубый гнетъ религіознаго деспотизма власти отсутствуетъ. Но тѣмъ ощутительнѣе здѣсь непосредственное вліяніе на направленіе мысли и дѣятельности власти гражданской. Тѣсныя политическія условія окрашиваютъ въ реакціонный цвѣтъ и это теченіе. Въ концѣ концовъ и въ протестанскомъ евангелическомъ движеніи просвѣчиваютъ случайныя и далеко не отвѣчающія пролетарскимъ интересамъ цѣли—сдѣлать изъ рабочихъ слугъ церкви, неограниченной королевской власти и юнкерства,—какъ опредѣляетъ ихъ, Мерингъ (14, 139), говоря о дѣятельности Штеккера, этой центральной и—пожалуй, символической фигуры германскаго евангелическаго соціально-политическаго движенія. Но специфическое свойство протестантизма, какъ религіи, не даетъ окончательно застояться и окристаллизоваться протестанскому движенію въ одну форму. Духъ религіозной свободы здѣсь открываетъ приверженцамъ соціальныхъ реформъ разнообразныя политико-соціальныя позиціи и многимъ религіозная совѣсть позволяетъ стоять въ соціальномъ движеніи тамъ, гдѣ католическое исповѣданіе не всегда позволило бы оставаться ревностному католику.

Наконецъ, на англійской почвѣ на лицо оба условія, обезпечивающія за христіанско-соціальнымъ движеніемъ нормальное развитіе. Здѣсь при прочныхъ залогахъ политической свободы, господствуютъ относительно свободныя религіозныя исповѣданія. Поэтому реакція здѣсь не была въ состояніи завладѣть христіанско-соціальнымъ движеніемъ въ такой степени, какъ это случилось на континентѣ. И религіозныя

идеи здѣсь лишь въ незначительной степени были связаны съ опредѣленными социальными-политическими программами, такъ какъ и здѣсь по преимуществу господствуетъ убѣжденіе въ необходимости принципиальнаго ограниченія сферы религіозной жизни отъ политико-общественной.

* * *

У людей вѣрующихъ и особенно у христіанскихъ социалистовъ приходится весьма часто встрѣчать такую мысль, что христіанство, въ теченіи 19-ти вѣковъ питавшее своими соками всѣ слои общества, таитъ въ себѣ могущественныя силы къ социальному возрожденію человѣчества. Рано или поздно религія Христа станетъ передъ людьми въ совершенно новомъ свѣтѣ, обнаруживъ въ себѣ великія творческія силы.

Тѣмъ не менѣе,—поскольку въ 19-мъ вѣкѣ христіанско-соціальное движеніе уже продѣлало опредѣленный и законченный циклъ своего развитія, и поскольку вообще можно подводить общіе итоги его работъ и соизмѣрять наличные успѣхи разныхъ дѣйствующихъ въ социальномъ направленіи силъ,—надо признать, что фактическое безсиліе христіанства въ борьбѣ съ социальнымъ зломъ обнаружилось съ очевидностью. Его работа оказывалась безрезультатной даже тогда, когда оно одно безраздѣльно господствовало надъ умами и сердцами людей. И теперь, какъ бы одушевленно ни говорили проповѣдники христіанско-соціальной дѣятельности о величайшихъ задачахъ христіанско-политическихъ партій, о ихъ возможныхъ побѣдахъ и сдѣланныхъ завоеваніяхъ, въ дѣйствительности во всѣхъ странахъ Европы настоящей закваской социальнаго обновленія являются не христіанскія партіи съ ихъ проповѣдью внутренняго обновленія, а горячія стремленія къ идеалу свободы буржуазнаго либерализма и часто атеистическаго социализма. Издавна и до сихъ поръ „христіанскій социализмъ“ только обѣщаетъ побѣды и ждетъ успѣховъ, громко заявляя, что „безъ содѣйствія религіознаго фактора и безъ выступленія Церкви за справедливые интересы рабочихъ классовъ, не мыслимо разрѣшеніе социальнаго вопроса“ (Тортъ), а реальный прогрессъ между тѣмъ совершается ускореннымъ темпомъ и совершается внѣ и часто наперекоръ влиянію христіански-настроенныхъ партій.

Можно даже сказать при этомъ, что все то, что выносятся на своихъ знаменахъ христіанско-соціальныхъ партій истинно гуманнаго, отвѣчающаго общимъ запросамъ времени и цѣлямъ наибольшаго блага,—все это представляетъ лишь только нѣкоторую часть изъ широкихъ программъ „безрелигіозныхъ“ партій.

Разумѣется, никто не можетъ отрицать историческихъ соціальныхъ заслугъ христіанства или современнаго христіанско-соціальнаго движенія. Энергія опредѣленныхъ лицъ, одушевленныхъ искренней любовью къ страждущему человечеству, сдѣлала чрезвычайно много. Но при сравнительной оцѣнкѣ результатовъ работы христіанскихъ дѣятелей и работниковъ, выступающихъ не подъ христіанскимъ знаменемъ, въ особенности, если оставить въ сторонѣ чисто религіозно-церковную дѣятельность—благотворительную, проповѣдательную,—ограничившись собственно соціальной, вносящей въ жизнь прочныя условія къ прогрессу въ дѣлѣ обновленія соціальныхъ отношеній, надо будетъ констатировать вообще крайнюю незначительность результатовъ работы первыхъ объединившихся въ христіанскомъ движеніи.

Надъ христіанскимъ соціальнымъ движеніемъ судьба вообще сыграла странную и, пожалуй, злую шутку. Она роковымъ образомъ обрекла его на историческое безсиліе.—Нигдѣ христіанскій социализмъ не оказывался болѣе жизненнымъ и въ то же время глубокимъ, какъ въ Англіи (именно въ его первой стадіи). Здѣсь ему предстояла несомнѣнная и великая будущность. Въ своихъ послѣднихъ идеалахъ цѣль англійскаго христіанскаго социализма въ сущности въ основныхъ пунктахъ совпадала съ цѣлями современнаго научнаго социализма. Путемъ развитія производительныхъ ассоціацій и всякаго рода рабочихъ союзовъ всѣ средства и орудія производства въ концѣ концовъ должны были перейти въ руки трудящихся и такимъ образомъ должны были подвергнуться перевороту всѣ современныя общественныя отношенія. Но одна постоянная *idea fixe*—являлась тормозомъ въ практической работѣ христіанскихъ социалистовъ. Это ихъ фанатическая оппозиція ко всякаго рода юридизму, ко всему, что носитъ характеръ государственнаго принужденія и внѣшней правовой регламентаціи, что не вытекаетъ изъ непосредственнаго источника чистой любви,—ихъ убѣжденіе, что никакія общественныя реформы не возможны безъ условія,

чтобы каждый въ отдѣльности сначала реформировалъ самъ себя, свое моральное настроеніе.—Поэтому идеи христіанскихъ социалистовъ въ концѣ концовъ не въ состояніи были завоевать общественнаго признанія, сдѣлаться основой широкаго общественнаго движенія, которое было-бы въ состояніи вызвать плодотворныя реформы, могущія приблизить общество къ идеаламъ социализма. Можно сказать, что христіанскій социализмъ Англіи погибъ отъ собственной тактики: социальную проблему онъ стремился разрѣшить путемъ не социальнымъ.

Любопытно, что христіанскіе социалисты Англіи одержали одну побѣду—длительную и чреватую будущимъ. Благодаря настойчивой пропагандѣ идеи рабочихъ союзовъ, имъ удалось настолько склонить на свою сторону общественное мнѣніе вліятельныхъ круговъ, что въ 1852 г. черезъ парламентъ прошелъ законъ, обеспечивавшій легальное существованіе союзовъ, законъ, написанный рукой Людлова—вождя христіанскихъ социалистовъ. Это—побѣда, которая въ исторіи рабочаго законодательства навсегда сохранитъ память борцовъ за свободу трудящихся, но для христіанскихъ социалистовъ она досталась въ сущности, слишкомъ дорогой цѣной—цѣной измѣны своему знамени. А безъ нея всякое рабочее движеніе въ направленіи, указанномъ христіанскими социалистами, должно было погибнуть.

Еще болѣе жестоко судьба преслѣдовала христіанское социальное движеніе въ другомъ направленіи. Тамъ, гдѣ оно вышло на путь собственно социальной работы,—на путь политической, парламентарной дѣятельности, оно страннымъ образомъ отлилось въ реакціонномъ теченіи, такъ далекое отъ чистыхъ идеаловъ христіанскаго социализма Англіи. Тутъ оно всегда подавало руку клерикализму, вступало въ постоянный союзъ съ буржуазіей, являлось опорой наличной власти и часто не столько способствовало общественному прогрессу, сколько служило для него досаднымъ, но значительнымъ тормазомъ. Такъ было во Франціи, Германіи, Австріи—странахъ гдѣ социальное движеніе достигло значительныхъ размѣровъ ¹⁾.

¹⁾ Тотъ же консервативный характеръ отмѣчаютъ, какъ отличительную особенность и профессиональнаго движенія на христіанской основѣ. „Под-

Въ общемъ, въ настоящее время арена соціальной дѣятельности представляется въ такомъ видѣ. Съ необычайной силой повсюду, въ Европѣ и у насъ въ Россіи, развивается вліяніе не христіанскихъ партій, а чистаго соціализма, часто превращающагося въ новую религію, хотя и чуждую небесныхъ идеаловъ; на долю же религіозныхъ партій остается скромное, блѣдное, порой жалкое прозябаніе. Къ боевому соціализму убѣгаютъ всѣ лучшія общественныя силы, горячія головы, пылкія сердца, свѣжіе таланты рабочаго класса, моральныя силы интеллигента; тамъ чувствуется кипѣніе живой жизни, полной вѣры въ себя, въ свое будущее; осязается постоянное нарастаніе силы. Тамъ создалась своеобразная атмосфера бодрого идеализма, который облегчаетъ тяжелое бремя жизни, дѣлаетъ ее легкой, осмысленной. А здѣсь, въ лагерѣ христіанскихъ борцовъ скромная несмѣлая жизнь, осторожность и размѣренность всѣхъ движеній, усыпляющая скука благоприличія и въ то же время ощущение какой то недосказанности, половинчатости, какъ будто гдѣ то скрытъ своего рода внутренней надрывъ, который прячется и боится выдти наружу ¹⁾. Въ тоже время здѣсь на лицо и

держаніе среди членовъ патріотическаго образа мыслей и сохраненіе добрыхъ отношеній къ правительственнымъ учрежденіямъ — ставить дѣлью одинъ союзъ. Другой вмѣняетъ въ обязанность членамъ „избѣгать и отклонять всѣ стремленія, враждебныя государству“. Третій организуется благодаря воззванію, въ которомъ заявляется: „мы хотѣли не переворота, а соціальныхъ реформъ и поддержанія добрыхъ отношеній съ нашимъ непосредственнымъ начальствомъ“ (Лавриновичъ. Рабочіе союзы. 54). Таково доминирующее настроеніе въ христіанскихъ организаціяхъ, особенно рельефно выражающееся въ рѣзко оппозиціонномъ отношеніи къ соціально-демократіи, — разрушительницѣ всякихъ традиціонныхъ авторитетовъ. Иначе едва ли можетъ быть уже по одному тому, что христіанскіе рабочіе союзы по преимуществу — католическіе и находятся подъ диктатурой католическаго духовенства; и главное питаніе, которое поддерживаетъ ихъ существованіе, можетъ быть прежде всего лежитъ въ той, постоянно подогрѣваемой религіозной враждѣ, кака я характеризуетъ отношенія католиковъ къ не католикамъ и свободомыслящимъ и обратно (Фонъ-Эльмъ. Соціализмъ и профессиональное движеніе. 45).

¹⁾ Это сказывается даже въ такихъ сферахъ, гдѣ христіанскія идеи, какъ кажется, болѣе всего могутъ найти для себя приложенія, — напр. въ рабочихъ союзахъ, преслѣдуемыхъ прежде всего цѣли взаимопомощи. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно сопоставленіе дѣятельностей христіанскихъ союзовъ и другихъ. Въ настоящее время классической

чтобы каждый въ отдѣльности сначала реформировалъ самъ себя, свое моральное настроеніе.—Поэтому идеи христіанскихъ социалистовъ въ концѣ концовъ не въ состояніи были завоевать общественнаго признанія, сдѣлаться основой широкаго общественнаго движенія, которое было-бы въ состояніи вызвать плодотворныя реформы, могущія приблизить общество къ идеаламъ социализма. Можно сказать, что христіанскій социализмъ Англіи погибъ отъ собственной тактики: социальную проблему онъ стремился разрѣшить путемъ не социальнымъ.

Любопытно, что христіанскіе социалисты Англіи одержали одну побѣду—длительную и чреватую будущимъ. Благодаря настойчивой пропагандѣ идеи рабочихъ союзовъ, имъ удалось настолько склонить на свою сторону общественное мнѣніе вліятельныхъ круговъ, что въ 1852 г. черезъ парламентъ прошелъ законъ, обеспечивавшій легальное существованіе союзовъ, законъ, написанный рукой Людлова—вождя христіанскихъ социалистовъ. Это—побѣда, которая въ исторіи рабочаго законодательства навсегда сохранитъ память борцовъ за свободу трудящихся, но для христіанскихъ социалистовъ она досталась въ сущности, слишкомъ дорогой цѣной—цѣной измѣны своему знамени. А безъ нея всякое рабочее движеніе въ направленіи, указанномъ христіанскими социалистами, должно было погибнуть.

Еще болѣе жестоко судьба преслѣдовала христіанское социальное движеніе въ другомъ направленіи. Тамъ, гдѣ оно вышло на путь собственно социальной работы,—на путь политической, парламентарной дѣятельности, оно страннымъ образомъ отлилось въ реакціонномъ теченіи, такъ далекое отъ чистыхъ идеаловъ христіанскаго социализма Англіи. Тутъ оно всегда подавало руку клерикализму, вступало въ постоянный союзъ съ буржуазіей, являлось опорой наличной власти и часто не столько способствовало общественному прогрессу, сколько служило для него досаднымъ, но значительнымъ тормазомъ. Такъ было во Франціи, Германіи, Австріи—странахъ гдѣ социальное движеніе достигло значительныхъ размѣровъ ¹⁾.

¹⁾ Тотъ же консервативный характеръ отмѣчаютъ, какъ отличительную особенность и профессиональнаго движенія на христіанской основѣ. „Под-

Въ общемъ, въ настоящее время арена соціальной дѣятельности представляется въ такомъ видѣ. Съ необычайной силой повсюду, въ Европѣ и у насъ въ Россіи, развивается вліяніе не христіанскихъ партій, а чистаго соціализма, часто превращающагося въ новую религію, хотя и чуждую небесныхъ идеаловъ; на долю же религіозныхъ партій остается скромное, блѣдное, порой жалкое прозябаніе. Къ боевому соціализму убѣгаютъ всѣ лучшія общественныя силы, горячія головы, пылкія сердца, свѣжіе таланты рабочаго класса, моральныя силы интеллигента; тамъ чувствуется кипѣніе живой жизни, полной вѣры въ себя, въ свое будущее; осязается постоянное нарастаніе силы. Тамъ создалась своеобразная атмосфера бодрого идеализма, который облегчаетъ тяжелое бремя жизни, дѣлаетъ ее легкой, осмысленной. А здѣсь, въ лагерѣ христіанскихъ борцовъ скромная несмѣлая жизнь, осторожность и размѣренность всѣхъ движеній, усыпляющая скука благоприличія и въ то же время ощущение какой то недосказанности, половинчатости, какъ будто гдѣ то скрытъ своего рода внутренней надрывъ, который прячется и боится выдти наружу ¹⁾. Въ тоже время здѣсь на лицо и

держаніе среди членовъ патріотическаго образа мыслей и сохраненіе добрыхъ отношеній къ правительственнымъ учрежденіямъ“ — ставить цѣлью одинъ союзъ. Другой вмѣняетъ въ обязанность членамъ „набѣгать и отклонять всѣ стремленія, враждебныя государству“. Третій организуется благодаря воозванію, въ которомъ заявляется: „мы хотѣли не переворота, а соціальныхъ реформъ и поддержанія добрыхъ отношеній съ нашимъ непосредственнымъ начальствомъ“ (Лавриновичъ. Рабочіе союзы. 54). Таково доминирующее настроеніе въ христіанскихъ организаціяхъ, особенно рельефно выражающееся въ рѣзко оппозиціонномъ отношеніи къ соціаль-демократіи,—разрушительницѣ всякихъ традиціонныхъ авторитетовъ. Иначе едва ли можетъ быть уже по одному тому, что христіанскіе рабочіе союзы по преимуществу—католическіе и находятся подъ диктатурой католическаго духовенства; и главное питаніе, которое поддерживаетъ ихъ существованіе, можетъ быть прежде всего лежитъ въ той, постоянно подогрѣвающейся религіозной враждѣ, какая характеризуетъ отношенія католиковъ къ некаатоликамъ и свободомыслящимъ и обратно (Фонъ-Эльмъ. Соціализмъ и профессиональное движеніе. 45).

¹⁾ Это сказывается даже въ такихъ сферахъ, гдѣ христіанскія идеи, какъ кажется, болѣе всего могутъ найти для себя приложенія,—напр. въ рабочихъ союзахъ, преслѣдуемыхъ прежде всего цѣли взаимопомощи. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно сопоставленіе дѣятельностей христіанскихъ союзовъ и другихъ. Въ настоящее время классической

возвышенная идеология, грандіозныя обѣщанія и, главное, такой прочный, широкий, всеобъемлющій базисъ, какимъ является евангеліе. Въ результатѣ создается противоположность широкихъ надеждъ и узкой программы, съ которой такъ неохотно мирится развитое сознание ¹⁾. И такая внут-

страной союзовъ (какъ и вообще рабочаго движенія) является Германія, отвоевывая въ этомъ отношеніи первенство у Англии. По вычислениямъ Бернштейна къ 1 января 1907 года объединенныхъ въ союзы рабочихъ въ Германіи насчитывалось 2.300.000 (противъ 1.900.000 Англии и Шотландіи). Подавляющее большинство всѣхъ рабочихъ объединено подъ социаль-демократическимъ флагомъ. На христіанскіе союзы падаетъ 300.000, т. е. около 13%. Но если эти цифры создаютъ нѣкоторую иллюзію успѣха христіанскихъ союзовъ, то другія цифры—характеризующія напряженіе дѣятельности тѣхъ и другихъ союзовъ, ее положительно разрушаютъ. „По статистическимъ даннымъ генеральной комиссіи за 1905 г. всѣ централизованные союзы (т. е. объединенные общей генеральной комиссіей (бюро) и непосредственно примыкающіе къ социаль-демократіи:—въ 906 г. они составляли 1.800.000, т. е. 78,7%) вмѣстѣ выплачивали безработнымъ сумму, которая составляетъ въ среднемъ 2,30 марки на члена плательщика.. въ союзахъ христіанскихъ рабочихъ 0,11 марки. Та же разница наблюдается и въ другихъ видахъ вспоможеній, каковы страхованіе отъ болѣзней, судебная поддержка и пр.“ (Бернштейнъ, „Германскіе рабочіе союзы“. Рус. Вѣд. 907 г. № 84). Такимъ образомъ, дѣятельность по взаимовспоможенію въ союзахъ, тяготящихся къ социаль-демократіи, по сравненію съ выступающими подъ христіанскимъ флагомъ, ведется напряженнѣе въ 21 (20, 9) разъ и этотъ фактъ чрезвычайно понижаетъ значеніе христіанскихъ союзовъ—не смотря на ихъ кажущійся внѣшній успѣхъ—въ общей работѣ рабочаго класса за улучшеніе своего положенія, отвѣдая имъ въ дѣлѣ борьбы за освобожденіе труда очень скромное мѣсто. Возможно, впрочемъ, думать, что многія христіанскія профессиональныя организаціи въ своей дѣятельности ограничиваются культурно-религіозными задачами (Лавриновичъ. Рабочіе союзы. 55), еще будучи недостаточно вовлечены въ потокъ рабочаго движенія; но въ такомъ случаѣ подобныя организаціи слишкомъ мало заключаая въ себѣ чертъ специфически рабочаго движенія, должны быть исключены изъ списка христіанскихъ рабочихъ союзовъ и такимъ образомъ болѣе или менѣе сократить число лицъ, зарегистрированныхъ статистикой подъ этой рубрикой.

¹⁾ Гере именно въ этой двойственности настроенія находитъ наиболѣе уязвимое мѣсто у перваго идеолога политической христіанской работы—пастора Тодта. При чисто пролетарскомъ идеалѣ, его широтѣ и глубинѣ въ практической программѣ Тодта онъ находитъ преобладаніе консервативныхъ мотивовъ, настроеніе умѣренности и чрезмѣрной осторожности. А вотъ какими чертами характеризуетъ Гере положеніе партій христіанско-соціальной и радикальной социалистической въ послѣдніе годы: „тамъ—партія, совершенно независимая отъ другихъ, здѣсь—ласкаю-

ренная неуверенность христианских партий, эта половинчатость их программ, стремление и сохранять в неприкосновенности действительность и в тоже время обновить всю жизнь, ведет роковым образом к их же ослаблению. Сь одной стороны, онѣ не могутъ противодействовать быстрому росту революціоннаго социализма, смѣло вскрывающаго кровавыя язвы действительности, гдѣ бы онѣ не таились, какой бы болѣю не отзывались въ сердцахъ, сь другой,—и многіе изъ ихъ собственныхъ членовъ, часто наиболѣе активныхъ и одушевленныхъ высокими идеалами, чувствующие неудовлетворенность, уходятъ навсегда изъ ихъ рядовъ.

Положеніе христианскихъ партийъ въ высокой степени трагическое, если въ особенности вспомнить, что рѣчь идетъ о странахъ исконно-христианскихъ. Для людей вѣры не можетъ быть удара болѣе тяжкаго, чѣмъ крахъ той вѣры, которой они дышали. И если въ данномъ случаѣ не приходится говорить о полномъ банкротствѣ вѣры, то нельзя утверждать въ то же время что вѣра хоть сколько нибудь оправдала сама себя. Люди обманулись и въ силѣ христианства и въ его социальныхъ качествахъ, и пусть пока обманулись только отчасти,—но и этого слишкомъ много, чтобы энтузіасты вѣры почувствовали въ своихъ сердцахъ болѣзненныя раны.

Ник. Смирновъ.

щаяся къ консервативнымъ партиямъ евангельско-соціальная группа; тамъ задача—ничего, кромѣ работы на благо всѣхъ страждущихъ братьевъ, здѣсь—по меньшей мѣрѣ въ равной степени представительство интересовъ великихъ, какъ и малыхъ; тамъ безконечно высокая, великая и... оригинальная цѣль; здѣсь—роковымъ образомъ ничтожныя, искусственно склеенныя сь другими цѣли“. 27.